

ТЕЗИСЫ

RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

Colloque international

Le dialogue interculturel peut-il favoriser l'innovation ?
(Aspects linguistiques, sémiotiques et anthropologiques)

Vendredi 6 et samedi 7 juin 2008

Organisé par le Centre de Russie
pour la Science et la Culture à Paris
et l'Université Paris-Sorbonne

dans le cadre du **Salon européen de la recherche
et de l'innovation**
et de l'**Année européenne du dialogue interculturel**

Le présent colloque s'inscrit dans le cadre du 4e Salon européen de la recherche et de l'innovation à Paris et de l'Année du dialogue interculturel 2008.

L'enjeu sera d'analyser l'innovation du point de vue des sciences humaines, en tant que phénomène linguistique, sémiotique et anthropologique, par rapport à la diversité culturelle croissante créant le besoin de dialogue.

Dans un contexte de l'Europe élargie, ce colloque contribuera à développer un réseau de recherche franco-russe, en prolongement des célèbres rencontres sémiotiques de Moscou-Tartu.

Les réflexions s'articuleront autour des axes suivants :

- innovation, objet d'analyse en sciences humaines
- chercheurs, citoyens du monde : innovation et dialogue des cultures
- innover dans la politique linguistique et culturelle
- discours innovant et sa description sémiotique
- innovation technique comme fait de l'innovation en sciences du langage
- innovation d'Internet, favorise-t-elle l'innovation ?

Avec le soutien de :

- Centre de Russie pour la Science et la Culture à Paris, Représentation en France du Roszaroubejcentre auprès du MAE de Russie
- Ecole doctorale V « Concepts et langages » (Paris-Sorbonne)
- Programme pluri-formation « Figures de la raison, usages du politique » (Paris-Sorbonne)
- Equipe d'accueil « LALIC – Langages, Logiques, Informatique, Cognition » (Paris-Sorbonne)
- Equipe d'accueil « Sens, Texte, Histoire » (Paris-Sorbonne)

Responsables du colloque : Jean-Pierre DESCLÉS (Paris-Sorbonne), Inna MERKOULOVA (CRSC & Paris-Sorbonne), Olivier SOUTET (Paris-Sorbonne)

Lieu :

Centre de Russie pour la Science et la Culture, 61, rue Boissière 75116 Paris.
Tél. : +33 1 44 34 79 79, Fax : +33 1 44 34 79 74
www.russiefrance.org

Coordination et traduction :

Inna Merkoulouva inna.merkoulouva@rambler.ru

Международная научная конференция

Как межкультурный диалог может способствовать инновациям ?
(лингвистические, семиотические и антропологические аспекты)
6-7 июня 2008

В рамках **Европейской выставки по науке и инновациям**
и **Европейского года межкультурного диалога**

Организаторы:

Российский центр науки и культуры в Париже
и Университет Париж-Сорбонна

Конференция пройдет в рамках Четвертой европейской выставки по науке и инновациям в Париже и Европейского года межкультурного диалога (2008).

Задача конференции – анализировать понятие инновации с точки зрения гуманитарных наук, как лингвистический, семиотический и антропологический феномен, в контексте культурного разнообразия, диктующего необходимость диалога.

В контексте расширяющейся Европы конференция должна стать важным шагом в процессе создания международной, в частности российско-французской научно-исследовательской сети, в продолжение известных Московско-Тартуских встреч.

Предлагаются следующие темы работы :

- инновации, предмет анализа в гуманитарных науках
- исследователи – граждане мира: инновации и диалог культур
- нововведения в лингвистической и культурной политике
- инновационный дискурс и его семиотическое описание
- технические инновации как результат нововведений в области языка
- способствует ли инновациям такое нововведение, как Интернет ?

При поддержке:

- Российского центра науки и культуры в Париже, Представительства во Франции Росзарубежцентра при МИД РФ
- Аспирантуры V «Концепты и языки» (Париж-Сорбонна)
- Программы «Образы разума, практика политики» (Париж-Сорбонна)
- Научной лаборатории «ЛАЛИК - Языки, Логика, Информатика, Познание» (Париж-Сорбонна)
- Научной лаборатории «Смысл, Текст, История» (Париж-Сорбонна)

Оргкомитет: Жан-Пьер ДЕКЛIE (Париж-Сорбонна), Инна МЕРКУЛОВА (РЦНК & Париж-Сорбонна), Оливье СУТЕ (Париж-Сорбонна)

Место проведения:

Российский центр науки и культуры, 61, ул. Буасьер 75116 Париж.
Тел.: +33 1 44 34 79 79, Факс: +33 1 44 34 79 74
www.russiefrance.org

Координация и перевод:

Инна Меркулова inna.merkoulova@rambler.ru

Divers sont les modes de l'innovation : du glissement de surface (qu'on trouve dans le « simple » changement de terme, par exemple) à la fécondation qui entraîne la naissance d'un organe hybride, les changements des valeurs notionnelles sont plus ou moins importants, plus ou moins décisifs (outre qu'ils sont plus ou moins correctement compris, plus ou moins largement admis). Au moment où l'on réfléchit, aussi bien côté français que côté russe, sur les conditions d'émergence de la pensée des « formalistes russes », partiellement héritiers de la psychologie germanique, en particulier celle de Herbart (et dérivés en esthétique) et où l'on reconnaît la force d'innovation qui meut cette pensée comme son relatif dépérissement postérieur, quand il ne s'agit pas de pur et simple oubli ou de transposition confinant à la trahison, il peut être important de se demander si les principales notions formalistes ont encore un avenir.

Soit donc, à titre d'exemple majeur, car très riche en applications du marketing à la littérature, de l'architecture à la publicité, une tarte à la crème des discours et des enseignements des ordres linguistico-littéraire, sémiotique et communicationnel, tarte nommée « les-six-fonctions-de-Jakobson ». On la peut donc considérer sous trois angles : le passé, autrement dit sa genèse (où l'on croise déjà la psychologie allemande), le présent ou sa, ses catastrophes (hétérogénéité des exemples chez Jakobson lui-même, déformation par la visée propre de Jakobson dans sa communication fondatrice, homogénéisation forcée et abusive par la vulgate, dilution du sens du fait de l'ampleur du succès et de l'extension du champ d'application), et enfin le futur, où il s'agirait d'envisager les potentialités de rénovation et d'innovation à partir des notions clefs.

Dans le cadre d'un programme de travail collectif et interculturel, deux de ces notions peuvent jouer un rôle fondamental : *ustanovka* et *dominanta*. Déterminer ce que ces mots valent dans les années vingt, trente du vingtième siècle, ce qu'ils signifient (lorsqu'ils sont utilisés) et ce qu'ils comportent de malentendus, de distorsions dans une sémiotique du statique et du discontinu au cours des années soixante et suivantes, et ce qu'ils peuvent acquérir comme valeur et comme force dans une pensée dynamique et continuiste, aiderait, selon nous, à féconder une pensée sémiotique nouvelle.

Мишель КОСТАНТИНИ (Университет Париж 8)

mic.costantini@wanadoo.fr

Иновация путем обновления : к французско-русской программе совместной работы

Виды инноваций могут быть разными: от поверхностного перехода (который наблюдается, например, в «простом» изменении термина) к оплодотворению и появлению органа-гибрида. При этом изменение понятийных ценностей будет более или менее значительным или решающим, (последние будут достаточно или недостаточно правильно поняты и приняты). В эпоху, когда и с русской и с французской стороны ведутся размышления об условиях возникновения теорий русских формалистов, частично вышедших из немецкой психологии, в частности школы Гербарта (расширив поле деятельности в сфере эстетики), во время, когда признается сила инноваций, приводящая к последующему относительному упадку этих теорий (если при этом речь не идет об простом забывании или о переносе, граничащем с неверностью), важно будет задаться вопросом, если ли еще будущее у основных понятий формализма.

В качестве основного примера, который часто применяется в практике маркетинга или литературе, архитектуре или рекламе, мы приведем «любимого конька» лингвистической и литературной области преподавания и исследований: шесть компонентов коммуникационного акта по Якобсону. Эти функции можно рассматривать с трех точек зрения: с позиций прошлого, то есть генезиса (здесь мы встречаем элементы немецкой психологии), с позиций настоящего и присущих ему катастроф (неоднородность примеров у самого Якобсона, деформация понятия по воле самого Якобсона в его главном выступлении, навязанное и пагубное сведение к однородности в последующей традиции, размывание смысла ввиду большой популярности и слишком широкого применения теории) и, наконец, с позиций будущего, где понадобится придумать возможности обновления и нововведения на основе ключевых понятий.

В рамках коллективной и межкультурной программы совместной работы решающую роль могут сыграть два понятия: *установка* и *доминанта*. Мы считаем, что определить, что значили эти понятия в двадцатых или тридцатых годах прошлого века, что они обозначали и сколько порождали недоразумений в 60-е и 70-е годы в семиотике статичного и прерывного, и какое значение и силу они могут приобрести в научной мысли, ориентированной на динамику и непрерывность, - все это поможет создать новую семиотическую теорию.

Inna Guennadievna MERKOULOVA (Centre de Russie pour la Science et la Culture à Paris & Université Paris-Sorbonne)

inna.merkoulova@rambler.ru

Innovation, dialogue et communication interculturelle

L'année 2008 a été déclarée par la Commission Européenne l'Année Européenne du Dialogue Interculturel, afin de « mobiliser la société civile et de multiples acteurs au niveau européen, national et local pour construire un meilleur 'vivre ensemble' ». Le projet vise à présenter diverses facettes du dialogue interculturel à travers de multiples manifestations (colloques, conférences, expositions etc.), afin de passer du discours à l'action, d'échanger pour changer d'attitude, de comportement et de pratique, pour découvrir l'autre et aussi, à travers lui, pour découvrir des aspects ignorés de soi-même.

Le renouvellement fondé sur l'échange et le dialogue est au cœur même du concept d'innovation dont l'objectif est d'intégrer le meilleur des connaissances d'un produit ou service créatif permettant d'aller plus loin dans la satisfaction des individus. D'un point de vue sémiotique, l'innovation est une explosion ayant un effet double : 1. elle donne un autre sens au monde ; 2. elle décrit la rencontre tumultueuse entre le nouveau et l'ancien (N.Alter).

En guise d'exemple permettant d'illustrer la base commune des notions d'innovation et de dialogue interculturel, nous prendrons *les innovations écologiques*. Ces dernières doivent être comprises comme des étapes de la voie de la transformation de la biosphère en noosphère, la sphère de la raison. Dans ce contexte, nous proposerons d'examiner *la conception du développement durable* comme une innovation écologique et scientifique de base dont le dialogue et le partenariat entre les civilisations et les cultures seront la force primaire.

Инна Геннадьевна МЕРКУЛОВА (Российский центр науки и культуры в Париже & Университет Париж-Сорбонна)

inna.merkoulova@rambler.ru

Инновация, диалог и межкультурная коммуникация

2008 год был объявлен Еврокомиссией Годом межкультурного диалога в Европе, цель которого – «мобилизовать силы гражданского общества и его членов на европейском, национальном и местном уровнях, чтобы обеспечить лучшее 'совместное бытие'». Проект призван дать разностороннее представление о межкультурном диалоге в ходе многочисленных мероприятий (конференций, лекций, выставок и т.д.). Это даст возможность перейти от дискурса к действию, наладить обмены, результатом которых станет изменение отношений и практики поведения, а также позволит открыть для себя другого человека, а через него – собственные, ранее неизвестные черты.

Обновление, основанное на обмене и диалоге, составляет суть понятия инновации, задача которой – внесение в разнообразные виды человеческой деятельности новых креативных элементов, повышающих результативность этой деятельности и удовлетворенность ею. С семиотической точки зрения инновация представляет собой взрыв, последствия которого могут быть двоякими: 1. благодаря инновациям в мир приходит новый смысл; 2. инновации описывают бурное столкновение нового и старого (согласно Н.Альтеру).

В качестве примера, иллюстрирующего общую базу понятий инновации и межкультурного диалога, мы приводим *экологические инновации*. Последние должны пониматься как этапы на пути от биоферы к ноосфере, т.е. сфере разума. С этой точки зрения мы предлагаем проанализировать *концепцию устойчивого развития* как базисную экологическую и научную инновацию, основной движущей силой которой будут диалог и партнерство между цивилизациями и культурами.

Olivier SOUTET (Université Paris-Sorbonne)

olivier.soutet@paris-sorbonne.fr

*Fausse innovations terminologiques et véritables innovations épistémologiques:
le cas de L'Essai de Grammaire de la Langue Française*

L'énorme travail de Damourette et Pichon, publié pour l'essentiel dans la période de l'entre-deux-guerres, reste, on le sait, une mine pour les linguisites francisants. C'est un texte pourtant à maints égards problématique puisque, sur son fond de national linguistique d'inspiration maurrassienne, il associe des innovations épistémologiques, pour beaucoup sans lendemain, et de véritables innovations épistémologiques, comme celle du « locuteur national », ancêtre du native speaker.

Оливье СУТЕ (Университет Париж-Сорбонна)

olivier.soutet@paris-sorbonne.fr

*Кажущиеся терминологические нововведения и действительные эпистемологические инновации:
на примере « Грамматики французского языка »*

Известно, что титанический труд Дамурета и Пишона, опубликованный в основном в период между Первой и Второй мировыми войнами, остается неистощимой золотой жилой для лингвистов, работающих с французским языком. Однако этот текст во многом проблематичный, поскольку на фоне национальной лингвистики, вдохновленной морасовской традицией, он несет в себе как эпистемологические нововведения «без будущего», так и подлинные эпистемологические инновации, такие как определение «национального говорящего», предшествовавшее понятию «native speaker».

Татьяна Михайловна НИКОЛАЕВА (Институт славяноведения РАН, Москва)

tnikol33@mail.ru

Национальный корпус русского языка (электронная версия) и факты живой русской речи

Использован Национальный корпус русского языка, составленный при ИРЯ РАН (электронная версия).

Из данных Национального корпуса русского языка ИРЯ РАН были выбраны данные живой публичной речи (беседы на ТВ, лекции, дискуссии и под.) и данные живой непубличной речи (разговоры на улице, разговоры дома, споры подруг и т.д.). Всего в нашем распоряжении оказалось 1276 контекстов (развернутых синтаксических целых).

Изучались функции партикул (частиц).

Исследования велись по следующей схеме:

- 1) Партикулы **грамматикализованные** настолько, что могут употребляться изолированно и иметь свое функциональное место в грамматике.
- 2) Партикулы, вошедшие в **фразеологизованные** словосочетания.
- 3) Кластеры партикул, группирующиеся **вокруг местоимения**.
- 4) **Чего?** или **Что?** – различие в функциональной нагрузке в вопросе.
- 5) **Ну** – звукоподражательное междометие или скрытая архаика?

Итак, партикулы чаще всего возникают в не первой абсолютно реплике. И здесь мы сталкиваемся с той оппозицией, вернее, с тем полем, на которое еще не ступала нога лингвиста: а именно – с разницей между примерами **возможными** и **правильными** и примерами **реальными**.

Кластеры партикул могут быть дистантными. Может казаться, что кластеры возникают в центре высказывания, но на самом деле это тоже паратактическое начало.

Различение в живой речи *чего?* и *что?* Они как будто употребляются почти синонимично, причем *чего* звучит как грубая ошибка малоинтеллигентного человека, путающего родительный и именительный падежи вопросительного местоимения. И все же - в ряде случаев очевидно, что *чего* приобретает в живой разговорной речи значение 'почему', 'зачем' и несомненно является их речевым синонимом: *А чего ж ты у меня не спросила ; Чего так ; Чего ты мерзнешь; Ну/ чего они там встречаются ; Ну, чего я тебе объясняю* и т.д. Таким образом, что и *чего* «состязаются» в инициальной позиции, особенно окруженные другими кластерами партикул. Генетически ЧЬ+ТО и Ч(Ь/Е)+ГО функционально являются тождественными (но *чего* в инициальной позиции заменяет былое архаическое *че+со*). Это еще один довод в пользу существования «скрытой памяти» языка.

Последний вопрос - это вопрос о возможности / невозможности описать семантику русской частицы *ну*. Национальный корпус русского языка демонстрирует богатейший свод примеров с *Ну*, которое оказывается практически почти доминирующей не первой репликой. Например, *ну* может выступать, вводя **пояснение**, вводить **пример**. *Ну* в центре высказывания часто вводит **чужую прямую речь**. Однако в большинстве примеров *ну* является неким абсолютным началом, но в то же время началом-ответом, то есть, не первой репликой. Это принципиально новые данные для исследователей русского языка, которые в то же время отражают « скрытую » индоевропейскую историю *ни*.

Tatiana Mikhaïlovna NIKOLAEVA (Institut d'études slaves, Académie des Sciences de Russie, Moscou)

tnikol33@mail.ru

Le Corpus national de la langue russe (version électronique) et les faits du discours vivant

En nous basant sur le Corpus national de la langue russe établi par l'Institut de langue russe de l'Académie des Sciences de Russie, nous avons choisi les données du discours vivant public (interview à la télévision, conférences, discussions etc.) ainsi que les données du discours vivant conversationnel (conversations dans la rue, à la maison, discussions entre amies etc.). Nous avons eu accès à 1276 contextes (unités syntaxiques déployées). En particulier, nous avons étudié les fonctions des particules.

Les recherches ont été menées selon le schéma suivant :

1. les particules **grammaticalisées** employées isolément avec une place fonctionnelle dans la grammaire ;
2. les particules faisant partie des groupes de mots **phraséologiques** ;
3. les faisceaux des particules se regroupant **autour d'un pronom** ;
4. **Tchego ?** ou **Tchto ?** [Quoi ?] : différence fonctionnelle dans la question ;
5. **Nou** [Eh bien !/ Alors !/ Tiens !] : interjection onomatopéique ou un archaïsme caché ?

Les particules n'apparaissent pas à l'initial de la phrase. Nous rencontrons ici une opposition, ou plutôt tout un domaine par encore bien élaboré par les linguistes, notamment traitant de la différence entre les exemples **possibles** et **corrects** et les exemples **réels**.

Jean-Pierre DESCLÉS (Université Paris-Sorbonne)

jean-pierre.descles@paris-sorbonne.fr

Comment mieux exploiter la sémantique des documents du Web ?

Une réponse : le système EXCOM

Internet offre des possibilités qui ne sont pas encore complètement exploitées par les systèmes actuels qui permettent certes de retrouver des informations mais introduisent énormément de bruit (exemple : Google). Notre approche, développée depuis plusieurs années, s'appuie sur une sémantique discursive des textes, destinée dans un premier temps à construire des cartes sémantiques associées à des points de vue de fouille des textes, puis, dans un second temps, à exploiter ces cartes, sous la forme de marqueurs discursifs de ces points de vue, afin d'annoter automatiquement les textes par des catégories discursives.

La plate-forme EXCOM (Exploration Contextuelle Multilingue) a justement pour but l'annotation discursive automatique des textes à partir de point de vue de fouille (par exemple : identification des thèmes, extraction des événements pertinents, des définitions, des citations, des relations causales etc...).

L'exposé présentera la problématique d'EXCOM avec la méthode linguistico-computationnelle d'exploration contextuelle, ce qui sera illustré par des réalisations concrètes.

Жан-Пьер ДЕКЛЕ (Университет Париж-Сорбонна)

jean-pierre.descles@paris-sorbonne.fr

Как наилучшим образом использовать семантику веб-документов? Возможный ответ: система ЭКСКОМ.

Возможности Интернета пока еще не в полной мере используются современными системами, которые, разумеется, помогают найти необходимую информацию, но вводят огромное количество помех (пример: Google). Наш подход, который мы разрабатываем в течение ряда лет, основан на дискурсивной семантике текстов, и его цель прежде всего - это создание семантических карт, связанных с точкой зрения поиска в тексте. Далее семантические карты используются в виде дискурсивных маркеров такой точки зрения, чтобы автоматически аннотировать тексты с помощью категорий дискурса.

Платформа ЭКСКОМ (Многоязычное Контекстное Исследование) служит как раз для того, чтобы автоматически аннотировать тексты с точки зрения поиска (примерами могут быть: идентификация тем, извлечение необходимых документов, определений, цитат, причинно-следственных отношений и т.д.).

В докладе проблематика платформы ЭКСКОМ будет представлена с помощью методов лингвистического компьютерного исследования, и мы проиллюстрируем результаты на конкретных примерах.

Pierre BOUDON (Université de Montréal & Université Paris-Sorbonne)

boudonpierre@yahoo.ca

Entre mémoire et projet: le processus d'engrammation

Peut-on penser la culture (au sens anthropologique) comme un réseau de relations à la façon d'une mosaïque où des valeurs *demeurent* (jugées fondamentales) et des valeurs *changent*? Ce changement se fait-il en surface (phénomènes) ou en profondeur (catégories)? J'aborderai un ensemble de questions sur la notion de « pérennité » de la culture à la lumière de la théorie sémiotique greimassienne qui met en place une dialectique entre les notions d'*actualisation* (pragmatique, egophorique), de *virtualités* (des mondes possibles: anticipations, fictions) et *réalisation* en tant qu'ancrage d'un « monde des valeurs » dans l'espace-temps cosmique (soit le rapport anthropologique Nature-Culture). Cette corrélation triple renvoie à d'autres dont elle constitue le noeud de mises en relation.

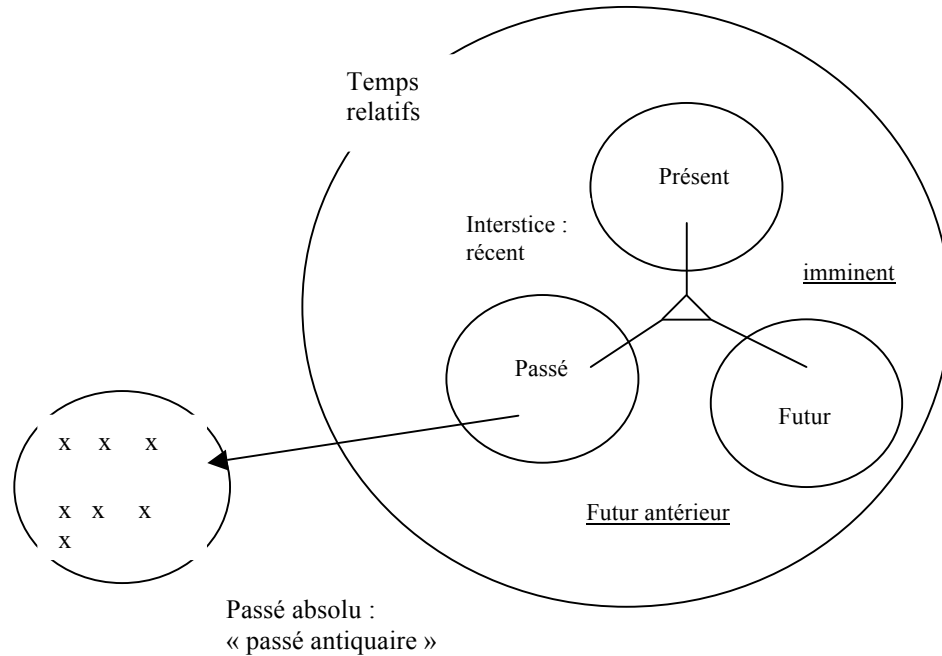
- a) *Unité* comme entité (globale) à ce propos, nous avons affaire à l'ensemble P (E) des parties d'un ensemble y compris celui-ci et l'ensemble vide f qui peut représenter une vacuité temporelle, un « blanc » comme absence; on aura : {f; A; B; C; AB; AC; BC; ABC}. Il s'agit au départ d'une entité non linéairement ordonnée où une partie/moment peut être, à la fois, la partie et le tout.
- b) *Trinité* en tant que chaque partie/moment dissociable des autres, appelée : Passé, Présent, Futur. Chacun d'elles, à titre d'intervalle, est isolable du tout qu'elles forment, l'une d'entre elles pouvant former à elle-même une entité globale (absolue, par focalisation sur celle-ci).

Par exemple : le *Présent absolu* en tant que « présent perpétuel » (sans Passé ni Futur), comme celui de la Société de consommation, pouvant se réduire au rapport exclusif A, non A, ce dernier terme exprimant un rejet comme dans le rapport « être à la mode, ne pas être à la mode » (Barthes); le *Passé absolu* comme dans le « passé antique » (Nietzsche), soit une certaine conception patrimoniale de la Mémoire (refus de toute évolution); le *Futur absolu* comme dans les Utopies (la société sans classe) ou comme les prophéties (l'Apocalypse).

- c) Entre ces intervalles de temps, définies comme « plages » temporelles, nous pouvons situer des interstices de liaison, du genre {AB; AC; BC}; par exemple, la notion de « récent »

entre Présent et Passé, celle d' « imminent » entre Présent et Futur, celle de « futur antérieur » entre Passé et Futur (le statut de la « ruine »). C'est par rapport à ces interstices de liaison que nous pouvons définir le symbole f comme vacuité temporelle, comme *syncope* où le temps s'abolit (« passage à vide »).

Soit le schéma général e) :

- f) Outre cette partition du temps en « plages » (relatives ou absolues), celui-ci en tant que durée (continuité) offre un double sens d'orientation (selon Culioli) que l'on ne situera pas au même niveau que celles-ci : un temps qui vient vers nous (temps T) et un temps qui passe avec nous (temps S) ; le premier constitue une série « objective », plus exactement transcendante, et le second une série « subjective » (appelée *vécu* dans la phénoménologie husserlienne et que l'on peut considérer, par opposition à la précédente, comme immanente). Nous avons affaire à un *couplage* de direction et non à une uni-directionnalité générique (même avec inversion de signe) qui *articule* opératoirement le partage des temps en parties/moments.
- g) *Simultanéité et successivité* des parties/moments déplaçables constituent l'hypothèse de base de la temporalité ; le temps exprime, à la fois, une simultanéité comme « saisie » de l'ensemble *in uno intuitu* (contemporanéité des parties/moments) et une successivité en tant que déroulement d'une période de temps selon un ordonnancement avant/pendant/après. Soit la différence définitionnelle :

Parties/moments : « expression fermante » (puisqu'elle délimite une plage de temps dénommable)

Avant/pendant/après : « expression ouvrante » sans fin puisque associée à un écoulement perpétuel

- h) A tout moment du temps (continuité), on peut procéder à une *coupure* (topologique, au sens de la coupure de Dedekind) introduisant une « instantanéité » dans ce continuum. Le présent du sujet peut être identifié à cette coupure, dans le sens : *il peut être tout, il peut être quelque chose* (sorte de *cogito* où l'on retrouve le caractère bifide défini en b) *supra* entre la partie et le tout).

Le Présent en tant qu'objet (et non sujet) peut être également une *fixation* du temps (définissant par exemple une « origine » absolue) ; sinon on perd toute forme de repère, de contrôle des rapports entre phénomènes.

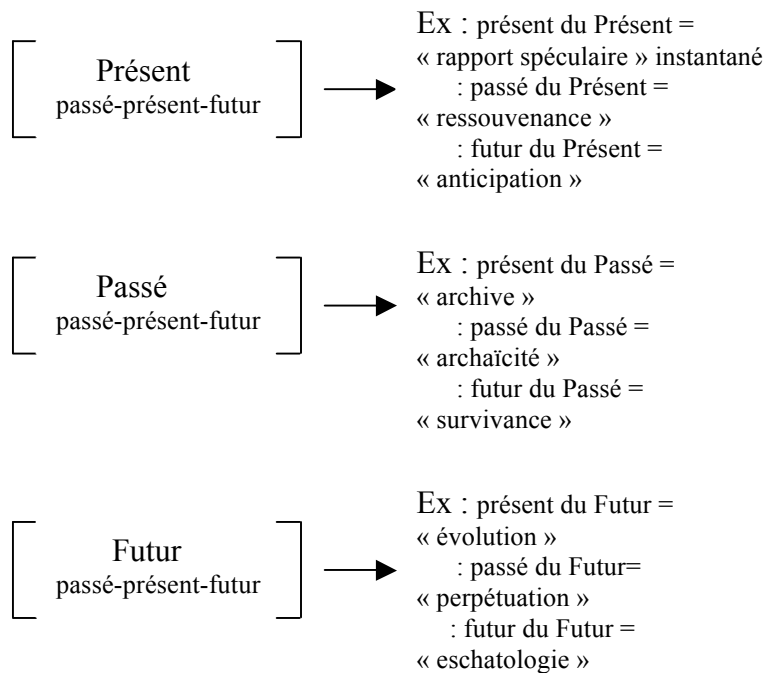
Dans les deux cas, c'est donc une opération d' « abstraction » au sens d'une extraction d'un moment hors du continuum (opération métalinguistique) et c'est cette coupure qui caractérise un site excentré (Cf. une *vue de Sirius*) d'où on peut saisir le tout, ou encore, où on peut fixer

un point de repère absolu (soit un hors-temps d'où l'on peut considérer les temps). Dans les deux cas, nous avons la conversion d'un flux (temporel en une étendue (spatiale) relevant d'un autre mode de partition.

Mais cette coupure (topologique) en tant qu'instantanéité, même répétée indéfiniment, n'a de sens que dans une reprise qui retisse temporellement les parties/moments, Passé, Présent, Futur. Nous pouvons introduire ainsi une dialectique des temps par interruption-reprise de ces parties/moments, qui les compose sous la forme d'un réassemblage à la manière d'un « patchwork » cousu ; cette temporalité bigarrée peut être également un palimpseste en tant que formes stratifiées en couche, « grattées » et « réécrites » autant de fois que c'est nécessaire. La temporalité n'est donc pas un déroulement linéaire mais une recombinaison permanente constituant une dialectique passé-présent-futur associée à la notion de « plages » précédentes. Nous avons affaire à des recouvrements partiels et/ou globaux faisant de ces parties/moments initiales une épaisseur du temps par couches successives (un dépôt du temps).

Cette composition peut être intitulée une « anachronie » (Didi-Huberman) en ce qu'on peut procéder à des opérations de transport, anaphore et cataphore, déplacement et condensation, rattachées à ce qu'on a appelé en f) *supra* une série temporelle « subjective » (notion de *vécu*) ; par exemple, la notion de « survivances » (empruntée à Aby Warburg) comme « traces » mnésiques peut s'inscrire à travers des temps successifs.

- i) Le problème et donc celui d'une *concordance des temps* (Cf. concordance/discordance, puisque l'une ne va pas sans l'autre), car ces temps sont dissociables et réunissables à la manière d'un montage cinématographique formant un continuum fait de plusieurs niveaux à la fois (renvoyant à des points de vue distincts). Considérons à nouveau les deux sens opposés de temps (Cf. f) *supra*), temps T objectif et temps S subjectif ; le premier est défini comme « euhronie » par Didi-Huberman (soit un principe de datation, de chronologisation par périodes linéairement ordonnées) et le second est défini comme « anachronie » en tant que possibilité cursive d'un déplacement, de détachement et rattachement de parties/moments de temps, où le temps devient une Mémoire et un Projet associées à un sujet. Cette réécriture permet d'introduire une nouvelle formulation de chacun de ces « plages » de temps :

Nous avons affaire à un double registre à travers lequel s'inscrivent en filigrane les temps T et S ; l'ensemble vide {f}, synonyme de *syncope* temporelle, représente dans ce chaînage une position voltigeuse, à la fois inscrite et exinscrite.

Пьер БУДОН (Университет Монреаля и Университет Париж-Сорбонна)

boudonpierre@yahoo.ca

Между памятью и проектом: процесс накопления информации

Можно ли представить культуру (в антропологическом смысле) как систему отношений, построенную по принципу мозаики, внутри которой одни ценности (считающиеся основополагающими) *остаются неизменными*, а другие *изменяются*? На каком уровне происходит изменение: на поверхности (феномены) или в глубине (категории)? Я остановлюсь на ряде вопросов о «продолжительном характере» культуры в свете семиотической теории Греймаса, которая занималась диалектикой понятий *актуализации* (прагматической, эгофорической), *виртуализации* (возможных миров: предшествования, вымысел) и *реализации*, то есть включения «мира ценностей» в космический хронотоп (иначе говоря, речь идет об антропологических отношениях Природа - Культура). Эта тройная корреляция является связующим нитью для многих других отношений подобного типа.

Paolo FABBRI (Università IUAV de Venice)

p_fabbri@alice.it

Traduire l'intraduisible: du chaos en Sémiosphère

A partir du poème de A. Blok « L'artiste » (*Chudoznik*), - avancé par Jury Lotman comme modèle d'explosion de sens - une réflexion sémiotique sur les mutations de la signification. Linearité, Explosion et Turbulence.

Паоло ФАББРИ (Архитектурный университет Венеции)

[p_fabbri@alice](mailto:p_fabbri@alice.it)

[.it](#)

Перевести непереваемое: о хаосе в семиосфере

На материале стихотворения А. Блока «Художник», представленного Ю. Лотманом как модель смыслового взрыва, мы представим размышление на изменения значения с точки зрения семиотики и проанализируем следующие понятия: Линейность, Взрыв, Турбулентность.

Мария Вячеславовна ЗАВЬЯЛОВА (Москва, Институт славяноведения РАН)

marija_z@mtu-net.ru

*Некоторые лингвистические приемы современной магии:
по материалам интернета*

Основные принципы магических способов воздействия на окружающую действительность универсальны и остаются неизменными на протяжении тысячелетий. В наше время они так же распространены, как и сотни лет назад. Однако наряду с (повысившимся в последнее время в обществе) интересом к традиционным формам магии (заговорам, заклинаниям, магическим обрядам) существуют и попытки создать новые магические приемы. Несомненно, «новыми» эти приемы можно назвать только условно, поскольку они базируются на тех же принципах и универсалиях, которыми пользуется традиционная культура. Тем не менее интересно посмотреть, как преломляются эти универсалии в нашей современной культуре и как они приспособляются к новым реалиям.

Для своего исследования я использовала материалы интернет-форума, посвященного волшебству. Участники форума (в основном участницы) делятся своими собственными способами, рецептами воздействия на окружающий мир (цели этого воздействия банальны – получить много денег, купить собственный дом, устроиться на хорошую работу, удачно выйти замуж, вернуть бросившего

возлюбленного, избавиться от болезней и неприятностей). Общий принцип этого воздействия формулируется как «оксюморон». В пояснении к теоретической части форума это расшифровывается так: «Оксиморон, оксиморон – абсурд, умная глупость, парадокс, сочетание противоположных по значению слов, образующих новое понятие, весьма фантастическое, свободное от некоторых правил, кажущихся обязательными для привычных устоев нашего мира. В словесности это Горячий снег, Гигантский микроб, Грациозная неуклюжесть, Безмолвный крик, Проводы прилетающих самолетов, Падение вверх и т.д. – образы, будоражащие воображение! Оксюморонской одеждой могли бы стать меховой купальник или кружевные валенки, оксюморонские приборы – холодильник-тостер, или телефонная трубка в звуконепроницаемом корпусе... По сути, оксюморон – великолепное средство для шутки, для волшебной игры, поэтому как нельзя лучше отражает принципы нашей Игры «ОК'сЮМОРОн». В Пространстве нашей Волшебной Игры мы так же, производя действия порой совершенно абсурдные, наделяем себя и мир качествами с виду небывалыми и сказочными, и, соединяя вещи несоединимые, добиваемся результатов фантастических!». По сути дела это и есть принцип любой магии – совершение необычных с первого взгляда действий, соединение несоединимого для приведения в действие необходимого производящему магическое действие сил. Предметы и явления, участвующие в таком ритуале, связаны не более чем ассоциативной связью, которая может быть основана на минимальном сходстве, порой даже только фонетическом (достаточно вспомнить ассоциацию *тоска – доска* в русских любовных заговорах). Таким образом, большинство магических ритуалов имеют под собой некую лингвистическую реальность, так как за действиями зачастую стоит именно связь слов. Современная магия, которую я собираюсь обсуждать, строится целиком и полностью на словесных каламбурах и основа ее приемов – лингвистическая. Вначале действие ее напоминает банальную игру слов, но в дальнейшем получаемый вербальный материал используется как код для реализации ритуала (например, стеклянная банка – это банк, где хранятся деньги, ритуал заключается в том, что банку ставят под кран, куда КАПает вода – накКАПливается КАПитал; или для привлечения поклонников рассыпается манная крупа: МАНка – приМАНка).

Рассмотрим все эти лингвистические приемы подробнее.

1) Игра с внешней формой слова

- разложение слова на составляющие и приписывание каждой составляющей нового значения (шарады):
 ЗАРПЛАТА – это заРплата, т.е. «плата за Р...» (если нужно срочно получить зарплату, надо пойти и купить себе что-то на букву Р – Ручку, Резинку для волос и т.д.)
 ОБИДА = ОБИ+ДА (написать на тампоне «ОБИ» слово «нет» – нейтрализация обиды)
- поиск нужного буквосочетания в других словах:
 Ритуал – придумывать слова, начинающиеся на ПАРА – дела в личной жизни резко двигаются
- осмысление внешней формы слова на других языках:
 Глюк на немецком – большое счастье (если компьютер «глючит», его хозяина ждет большое счастье)
- чтение слова наоборот и осмысление получившегося нового значения:
 Помидор – родим оп (с этой целью овощ употребляется в пищу)

2) Игра с внутренней формой слова

- переосмысление однокоренных слов:
 Личная жизнь – жизнь лица (для улучшения личной жизни следует позаботиться о лице)
 Активизация – активированный уголь (чтобы позвонил нужный человек, следует положить под телефон таблетки активированного угля)
 Гармонизация отношений – играть на гармонии с надписью «отношения»
- от переносного значения к прямому:
 Найти повод – набрать в программе интернет-поиска слово «повод» и его найти
 Выкинуть что-то из головы – написать на ведре «голова», бросить туда бумажки с написанными ненужными мыслями и выкинуть на помойку
 Чтобы клеились горячие парни – подогретые на сковородке фотографии парней приклеиваются на обмазанное медом тело (чтобы липли как мухи на мед)
- от прямого значения к переносному (создание примет):
 Накручивание бигуди – накручивание мыслей
 Сотрудник ДПС с жезлом – урегулирование отношений

3) Грамматические трансформации

- изменение наклонений и времени:

Вместо «Хочу найти мужа, заработать денег, устроиться на работу» – Я вышла замуж за идеально подходящего мне мужчину; Я имею 40 тысяч рублей; Я начальник отдела

- замена лица («якательный перевод»):

Например: «он меня обидел, продавщица – сволочь, она не дала мне сдачу, работа проклятая меня достала» и т.д. «Якательный» перевод звучит так: «я себя обидел, я – сволочь, я не дала себе сдачу, я проклятая себя достала» и т.д., таким образом перевод способствует доведению проблемной ситуации до абсурда и проблема теряет смысл

- замена антонимами:

Например: «Плохо нам живется! Сотрудники – подлецы, потому что у них хорошие оклады, семьи, квартиры, машины и дети, все это получают они не напрягаясь на работе и женаты не на нас». Переводим негатив в позитив путем переворота на 180 градусов: «Хорошо им умирается! Безработные – совестливые, потому что у них плохая милостыня, нет семей, бездомные, ходят пешком и бездетные, все это отнимают у них с огромным трудом и замужем за нами».

4) Трансформации фраз

- составление новых фраз из данной:

«Все образуется»: «образ зуб сев вес раз зубр сова Вася ус сос ров вор сет тѣс». Далее из получившегося набора слов составляются (образуются) различные фразы.

- цепь поговорок («диагностическая коррекция метафоры»):

(Цель – выйти замуж): Уж замуж *невтерпеж* – *Терпеть* уж больше нету сил (из мультика) – *Сила* есть ума не надо – *Надо* взяться всем миром – *Худой мир* лучше доброй *ссоры* – *Ссор* из избы не выносят. Ритуал – вынести мусор (цепью поговорок проблема сводится к минимальному ритуальному действию).

Как видно из приведенных примеров и их классификации, лингвистическая игра затрагивает практически все уровни языка: фонетику, словообразование, семантику, грамматику, синтаксис. Все трансформации основаны на разного рода ассоциативных связях и представляют собой традиционные приемы, которые вновь «изобретают» современные молодые люди, вряд ли знакомые с магическими техниками. Это еще раз доказывает то, что магические лингвистические приемы являются универсалиями человеческого сознания и отражают структуру самого языка.

Maria Viatcheslavovna ZAVIALOVA (Institut d'études slaves, Académie des Sciences de Russie, Moscou)

marija_z@mtu-net.ru

Des procédés linguistiques dans la magie contemporaine : selon les données d'Internet

Les principes fondamentaux des procédés de la magie sont universels et ne changent pas depuis plusieurs millénaires. Aujourd'hui, ils sont aussi répandus qu'il y a cent ans. Cependant, à côté d'un intérêt croissant pour les formes traditionnelles de la magie, il existe des tentatives de création de nouveaux procédés magiques. Certes, on ne peut les nommer « nouveaux » que conventionnellement, étant donné qu'ils se basent sur les mêmes principes et sur les universaux de la culture traditionnelle. Mais il est intéressant de regarder comment ces universaux s'adaptent à notre culture contemporaine et aux nouvelles réalités.

Ma recherche se base sur le corpus d'un forum Internet consacré à la magie. Les participants (pour la plupart des participantes) du forum présentent leurs propres recettes destinées à influencer le monde (l'objectif de cette influence est banal : avoir beaucoup d'argent, acheter sa propre maison, trouver un bon travail, se trouver un bon époux, guérir des maladies etc...). Le principe général d'une telle influence est celui de l'oxymore.

La magie linguistique que je vais analyser se construit entièrement sur les jeux de mots et met en oeuvre des procédés linguistiques. Ce sont notamment :

1. le jeu avec la forme externe de mot ;
2. le jeu avec la forme interne de mot ;
3. les transformations grammaticales ;
4. les transformations phrastiques.

Le jeu linguistique touche tous les niveaux de langue : phonétique, morphologie, sémantique, grammaire, syntaxe. Toutes les transformations se basent sur divers liens associatifs et représentent des procédés traditionnels, « réinventés » par les jeunes gens modernes qui ne connaissent pas de techniques magiques. Cela prouve encore une fois encore que les procédés linguistiques magiques sont des universaux de la conscience humaine et reflètent la structure même de la langue.

Сергей Николаевич
Москва)

ЗЕНКИН (Российский государственный гуманитарный университет,

serge.zenkine@mtu-net.ru

Топографические модели сакрального и профанного

Теоретическая рефлексия о сакральном, развернувшаяся в философии и гуманитарных науках XX века, выработала две конкурирующие модели, которые описывают пространственное соотношение между сакральным и профанным. Одна из них, которую можно назвать *теологической*, основана на анализе традиционных самопредставлений религиозных культур. Она структурирует мир как сакральный центр и профанную периферию, причем центр толкуется как точка сосредоточенного бытия, истины, реальности, обладающая однозначно позитивной ценностной характеристикой (М.Элиаде, А.Буйяр, Э.Левинас). Вторая, *антропологическая* модель, впервые намеченная социологами М.Моссом и Э.Дюркгеймом и исходящая из перспективы рациональной новоевропейской культуры, стремится описывать воображаемый мир религии как трехчленную структуру, где профанное составляет узкую срединную полосу между двумя противоположными областями сакрального – чистой и нечистой, высокой и низкой (Ж.Батай, Р.Кайуа); сакральное здесь трактуется как амбивалентное, два его вида обладают способностью взаимообращения, тогда как «средняя» область оказывается не сакральной, а, наоборот, профанной.

Оппозиция двух этих моделей иллюстрируется некоторыми примерами из старинной и современной художественной словесности: от Данте и русской волшебной сказки (по В.Я.Проппу) до мифологической эпопеи Дж.Р.Р.Толкиена и романа У.Голдинга «Повелитель мух».

Sergueï Nikolaevitch ZENKINE (Université d'Etat de Russie des sciences humaines, Moscou)

serge.zenkine@mtu-net.ru

Les topographies du sacré et du profane

La réflexion théorique sur le sacré, qui s'est déroulée dans la philosophie et les sciences humaines du XXe siècle, a élaboré deux modèles concurrents qui rendent compte du rapport spatial entre le sacré et le profane. L'un d'eux, qu'on peut qualifier de *théologique*, se base sur l'analyse des auto-représentations traditionnelles des cultures religieuses. Il distingue dans le monde un centre sacré et une périphérie profane, en traitant celui-là comme un point de concentration de l'être, de la vérité, de la réalité, toujours valorisé positivement (M.Eliade, H.Bouillard, E.Levinas). L'autre, un modèle *anthropologique* esquissé pour la première fois par les sociologues M.Mauss et E.Durkheim, adopte le point de vue de la culture rationalisante de la modernité et tend à décrire le monde imaginaire de la religion comme une structure tripartite, où le profane constitue une étroite bande médiane entre deux domaines opposés du sacré pur et impur, élevé et bas (G.Bataille, R.Caillois) ; le sacré y est considéré comme ambivalent, ses deux espèces peuvent s'inverser, tandis que l'espace intermédiaire n'est pas sacré mais profane.

L'opposition de ces deux modèles sera illustrée par quelques exemples tirés du folklore et de la littérature classique et contemporaine, de Dante et des contes de fées (selon V.Propp) à l'épopée mythologique de J.R.R.Tolkien et au roman de W.Golding *Sa Majesté des mouches*.

Ирина Александровна СЕДАКОВА (Институт славяноведения РАН, Москва)

ised@mail.ru

Визуализация концепта дома (дачи) в современной России: инновации vs традиции

Развитие и изменение устоявшихся концептов в постперестроечные годы в России наглядно (в буквальном смысле этого слова, через рекламу) отражает язык. В докладе речь пойдет об одной, казалось бы, частной трансформации, касающейся представлений о **доме** и **даче**, однако за этим частным стоят фундаментальные изменения русской ментальности и стратификации общества.

В докладе подробно рассматриваются инновации в области словаря городского и загородного жилья, ономастические процессы и непосредственная экспликация «новых» и «старых» ценностей в рекламных текстах и публикациях о недвижимости в СМИ. Заимствованная терминология (*коттедж*, *таун-хаус*, *лейн-хаус*, *фазенда*) сосуществует с традиционной дореволюционной лексикой (*особняк*,

имение, усадьба, поместье) изменившей свой маркированный «архаический, исторический» статус на «нейтральный». В именовании домов и дачных поселков престижности «чужого» соответствует ценность «своего», воплощающего идею «русскости» («Грюнвальд» vs «Мещерское полевье»).

Таким образом, в выстраивании образа жилого пространства в современной России четко прослеживаются две тенденции. Первая - это инновации, содержащие аллюзии к преимуществам европейского быта, комфорта и эстетики. Другая, не менее важная – апелляция к традиции, к русским религиозным святыням, историческим местностям, природным красотам. Смещение русского и западного, противопоставление инноваций традициям нивелируется слиянием или уступками (наподобие «Волга-Кантри-Клуб») – своеобразный ответ на официальный дискурс по проведению линии на патриотизм и любовь к отечеству.

Irina Alexandrovna SEDAКOVA (Institut d'études slaves, Académie des Sciences de Russie, Moscou)

ised@mail.ru

*Visualisation du concept de la maison (de la datcha) dans la Russie contemporaine :
innovations vs traditions*

Le développement et le changement en Russie postsoviétique des concepts déjà établis est reflété par la langue à travers la publicité. L'exposé portera sur une transformation particulière qui concerne les représentations de **la maison** et de **la datcha** ; ce cas particulier reflétant bien des changements fondamentaux dans la mentalité et dans le processus de la stratification de la société russe.

Nous examinons en détail les innovations dans le lexique concernant l'habitat en ville ou à la campagne, les procédés onomastiques et une explication immédiate des « nouvelles » et des « anciennes » valeurs dans les annonces publicitaires et les publications sur les biens immobiliers dans la presse. Les emprunts (*cottage, fazenda*) y coexistent avec le lexique traditionnel d'avant la révolution (*osobniak, usadba, pomestie*) qui a change son statut « archaïque » et « historique » contre celui de « neutre ». Dans les noms des maisons et des bourgs avec des datchas, la valeur du « sien » reflétant l'idée d' « être russe » (*Grünewald vs Metscherskoye polessie*) correspond au prestige de « l'étranger ».

Ainsi, on peut voir deux tendances dans la construction de l'image de l'espace d'habitat dans la Russie contemporaine. La première est représentée par les innovations faisant allusion aux avantages du quotidien, du confort et de l'esthétique européens. La seconde, toute aussi importante, fait appel à la tradition, aux reliques religieuses russes, aux lieux historiques, à la beauté de la nature. Le mélange du russe et de l'occidental, l'opposition entre innovation et les tradition, sont nivelés par un fusionnement ou des concessions (du type « Volga-Country-Club »), ce qui est une réponse particulière au discours officiel orienté vers le patriotisme et vers l'amour à la patrie.

Янина КУРСИТЕ (Латвийский университет, Рига)

kursite@hotmail.com

Концепт дачи-дома на Куршской косе: инновации в традиции

Куршская коса (Neria Curoniensis) - это песчаная полоса длиной 98 км, тянущаяся между Балтийским морем и Куршским заливом. В 1923 году примерно половина Куршской косы отошла к Литве, другая половина к Германии. После Второй мировой войны довоенная немецкая часть стала частью СССР (теперь Российской Федерации), вторая часть осталась при Литве. Несмотря на изменения, вплоть до Второй мировой войны территория Куршской косы с ее жителями и отдыхающими сохранялась и оставалась прежде всего как своеобразный культурно-исторический островок ('Ostpreußen'), включающий в себя особенности балтской и германской традиционных культур. С середины 19 века Куршская коса постепенно приобрела статус курортного, дачного локуса. В основном Куршская коса как место отдыха характерна не своими дачами (как, например, Рижское взморье), а дачниками – отдыхающими, снимающими на время отдыха часть домиков куршских рыбаков (до войны) или проживающих в гостевых домах, гостиницах.

В настоящее время стать дачником на Куршской косе можно в основном двумя способами: а) снять комнату или даже весь дом у местных жителей на время отдыха, при этом хозяева на это время переселяются в основном в подсобные постройки; б) снимать комнаты в многочисленных гостиницах и гостевых домах. В отличие от многих других мест отдыха и «дачевания», Куршская коса может предложить не только разнообразие и привлекательность природы, но и многослойный исторический и

мифологический пласт местности, начиная от пруссов и куршей, дополняя немецким и послевоенным литовским и русским пластом разнообразных экскурсов в историю и традиций рыбачества, мореходства, парусного спорта и др. Литовская половина более ориентирована на специализированного дачника, хотя не отвергает любого, желающего на какое-то время соприкоснуться с местным ландшафтом. Сложнее обстоит дело с Куршской косой на Российской стороне. Не вникая в вопрос, кто может себе позволить возводить огромные дачи, все же главный вывод напрашивается сам собой. Здесь по-прежнему, как и в советское время, дача - знак статуса, знак личного благосостояния. Старинные дома и старинную довоенную архитектуру после Второй мировой войны уничтожали как на Российской, так и на Литовской стороне косы. Но на Литовской стороне гораздо быстрее спохватились, что ценность данного места не только в особенных природных условиях, но и в своеобразной деревянной архитектуре, в компактном, симметрическом расположении построек. На Российской стороне особенность традиционной, предвоенной застройки по-прежнему не учитывается. – «Русские строят топорно, по-собакевически, то есть огромно так, много территории. Здесь все сжато, культурно...».

Janina KURSITE (Université de Lettonie, Riga)

kursite@hotmail.com

Innovations dans la tradition : le concept de la datcha-maison sur la langue de sable Kurshkaya

La langue de sable Kurshkaya (Neria Curoniensis), d'une longueur de 98 km., se trouve entre la mer Baltique et le golf Kurshsky. En 1923, une moitié de cette langue de sable a été transmise à la Lituanie et une autre moitié à l'Allemagne. Après la Deuxième guerre mondiale, la partie allemande est devenue la propriété de l'URSS, l'autre partie restant toujours lithuanienne. Jusqu'à la Deuxième guerre mondiale, le territoire de cette langue de sable Kurshskaya avec ses habitants et ses estivants est restée un îlot historique et culturel bien spécifique ('Ostpreußen'), portant en soi les éléments de la culture balte et allemande. Depuis la seconde moitié du 19ème siècle, ce lieu Kurshskaya a acquis le statut de station avec datchas.

A la différence des autres lieux avec des datchas, la station Kurshskaya peut proposer non seulement une diversité et une beauté de la nature mais toute une perspective historique et mythologique, en commençant par les kurseniéks et les prusses et en y ajoutant une partie allemande, lithuanienne et russe d'après-guerre : les excursions dans l'histoire et les traditions de la pêche, de la navigation maritime, de la voile.

La partie lithuanienne est orientée plutôt vers un tourisme (datchnik) spécialisé mais elle ne rejette pas pour autant des personnes qui désireraient découvrir un paysage particulier. La situation est plus délicate dans la partie russe. Sans se poser la question sur qui peut se permettre de construire des datchas immenses, on peut faire la conclusion que, tout comme à l'époque soviétique, la datcha reste le signe d'un statut et d'un bien-être personnels.